

Очерк «Молчание Гильгамеша»

Автор: Анастасия Антонова

Психбольницы в России — от готики до страха божьего — остаются сложной и как будто вечной для обсуждения темой.

Читать, смотреть и пробегать мимо одновременно морально мутно и тоскливо — и притягательно. Писать о них тоже. Я давно исследую разные аспекты охраны психического здоровья как журналист. Было бы мне интересно исследовать эти проблемы без статуса пациента — не знаю. Но работаем с тем, что есть. Я попала в психиатрическую больницу имени Алексеева в конце первого курса журфака МГУ. Наше общежитие находится от нее в трёх трамвайных остановках. Ковидный год и несколько дней карантина до «развоза» по отделениям.

От санитарки — искренне: «Долбаные журналисты! Дурдом какой-то!».

Оказалось, что тогда в один день в приёмное отделение нас попало трое: девочка с четвёртого курса моего же факультета (после двух академов, попытки суицида и с растворившейся мечтой о дипломе), незнакомая дама из Союза журналистов России (хотелось познакомиться, но она только улыбалась и молчала — невесело) и я. Было много вопросов, «что там с нами делают», но мне всегда нравились журфак и профессия, и со мной ничего откровенно плохого, как правило, не делали.

Я попала в Отделение первого психотического эпизода — первые три раза человек попадает туда. Что его отличает? Самое очевидное —

юность. Контингент там очень молодой: многие ментальные расстройства начинают проявляться в 18-19 лет, а когда они проявляются, в больницу не попасть сложно. Это отделение относительно новое, и считается, что специалисты там наиболее вовлечённые, как раз потому, что работают с молодыми ребятами, «у которых шансы вернуться к нормальной жизни наиболее высоки».

Ещё отличает «модный» набор заболеваний: биполярное и пограничное расстройства, депрессия, шизофрения. В интернете и в жизни нередко говорят о романтизации ментальных расстройств — но это чепуха, расстройства ЖКТ романтизировать интереснее.

На палату из восьми человек четверо — студенты МГУ и по совместительству понаприехавшие в нерезиновую Москву жители здания в трёх трамвайных остановках. Лежала девочка-политолог с затяжной депрессией — очень щедрая и добрая — поделилась со мной новыми трусами. В больницу ты попадаешь в лучшем случае с одними, но в будущем их могут передать родственники. Лежала девочка-философ, с ней было очень радостно обсуждать книжки. Лежала девочка-магистр с факультета почвоведения с огненно-рыжими кудрявыми волосами. До своего мелтдауна она успела поработать в проекте ООН по решению проблем с опустыниванием земель. Она всех очень выручала — нас перманентно заставляли социализироваться. Врачи следили за этим по многочисленным камерам, а медсёстры что-то молча записывали в блокнотики. Активная коммуникация якобы означала, что мы идём на поправку. И мы вставали в кучку, как дураки, и делали вид, что общаемся. Была только одна тема, в обсуждение которой все искренне включались. Это запоры. Высокие дозировки препаратов почти в ста процентах вызывают такую побочку, и эти переживания занимали внушительную

часть нашего эфирного времени. С рыжей девочкой мы выглядели дураками чуть меньше — она рассказывала всякие интересные факты про червяков, почву и камни, и нам было даже весело. Подталкивали к социализации и девочку с шизофренией. Мы не знали о ней ничего, ни имени, ни истории. Она почти всегда молчала и могла по полдня смотреть в стену, пока врачи не пересаживали её, развернув в другую сторону. Но были редкие случаи, когда она искренне говорила: «Я — бог Гильгамеш».

Представьте, что вы никогда не знали, кто он, существует ли он, и по возможности не осуждайте за незнание.

Представьте, что вас толпа студентов самых разных направлений, но никто точно не может сказать, часть ли он мифологии или выдумка одной молчащей девочки (европоцентричность в образовании на глазах стала реальной проблемой).

Представьте, что у вас нет телефонов и компьютеров, и вы не можете загуглить его имя.

Представьте, что вам месяц не даёт покоя этот вопрос, а ваш первый поисковый запрос после выписки из психбольницы — это «бог Гильгамеш».

У девочки-Гильгамеша насильственно появилась подруга. Это была мефедронщица Соня, попавшая в больницу после сильной передозировки, неистово выкрикивающая слово «мефедрон» первые несколько дней жизни в палате, а после прихода в себя — ставшая самой общительной легендой (не побоюсь этого слова). Она общалась с «Гильгамешем» практически без остановки, рассказывала поток историй с

тусовок, не ожидая никакой обратной реакции, и пропускала мимо ушей редкую фразу «я — бог Гильгамеш». Так прошла не одна неделя, но потом «Гильгамеш» неожиданно для всех очень отчетливо произнесла: «Как же достал твой мефедрон». Соня на неё обиделась и больше никогда с ней не дружила.

После выписки из круглосуточного стационара мы ходили в стационар дневной, где нам подбирали препараты для длительной терапии. В среднем это занимает от двух до шести недель, всё зависит от организма и побочек. В этот период мы посещали «образовательную программу» — психиатры и психологи читали небольшие лекции про важность приёма препаратов, про жизнь после больницы и коммуникацию с близкими. Небольшие потому, что в первые несколько месяцев после начала приёма таблеток зачастую снижается концентрация, да и вообще побочки дают о себе знать. Мы бесконечно вытирали слюни, ёрзали на стульях, кряхтели, чесались, ковырялись в ногтях и не смогли связать трёх слов в конце занятий. А далее — медицинская карточка передается в амбулаторный кабинет, куда надо в обязательном порядке приходить раз в месяц, показывать, что ты жив, и продлевать рецепты.

Я описала это так подробно из-за ностальгии по привилегиям. У меня случались периоды ухудшения состояния, и я могла приехать к лечащему врачу и обратиться за помощью. По необходимости мы меняли дозировки, следили за реакцией организма, и мне всегда становилось спокойно после вердикта группы взрослых серьёзных людей в белых халатах и разноцветных кроксах: «Мы тебя соберём, не волнуйся».

Летом 2022 года Департамент здравоохранения Москвы ограничил доступ к бесплатной «специализированной медицинской помощи по

профилю «психиатрия» в медицинских организациях, подведомственных Департаменту здравоохранения города Москвы» для «иногородних граждан». Об этом я узнала из письма, которое мне прислали в ответ на просьбу продлить лечение. Я не могу назвать эту ситуацию разделением на «до» и «после», но для меня и части моих знакомых она во многом стала поворотной.

Как бы просто это ни звучало, молодёжь — очень разная. Кто-то достигает огромных высот и работает в крупных проектах в свои двадцать, кто-то употребляет с раннего возраста, кто-то может только молчать и говорить несколько фраз, кто-то читает горы книжек, но в моменте болезненно ощущает, что не знает о жизни ровным счётом ничего, кто-то не один раз пытается из нее уйти, не осознавая, как нужна и важна, кто-то вечно куда-то бежит и стремится, а кто-то пока ничего не хочет. Но после получения паспорта, аттестата и диплома это все еще очень уязвимая часть общества, которая так же легко может получить справку из психбольницы. А студенты, учащиеся и старающиеся себя реализовать в другом городе, из-за личного опыта кажутся мне ещё более уязвимой категорией. Ситуация, при которой четыре «иногородних гражданина» из одного здания, пусть и очень большого, познакомились только в больничной палате — кажется мне очень символичной.

И речь не только про лучший ВУЗ России — клятва Гиппократ пережила много редакторских правок, но там не появился пункт про лечение исключительно «лучших». Студентов МГУ часто называют элитой, и звучит так же статусно, как и забавно из-за глубоких расхождений с реальностью. Элитарность даётся тяжело, а кому-то без нужной и вовремя оказанной поддержки не даётся вовсе.

Конечно, это вопрос привилегий. В больнице нам тоже никто не хотел рассказывать, как живут в соседних отделениях бабушки и дедушки, «у которых шансов вернуться к нормальной жизни практически нет». Но надежду на изменения и лучшее будущее тут вселяет работа журналистов, открыто об этом пишущих.

Мой очерк скорее даже не о молодых, а для молодых. Ограниченный доступ к необходимой медицинской помощи — это огромная проблема, на которую нельзя закрывать глаза. И об этой проблеме журналистам абсолютно точно нельзя молчать.